

Виктория Канева

Великотырновский университет имени Кирилла и Мефодия (Болгария)

НЕКОТОРЫЕ МОДЕЛИ АФФИКСАЛЬНОЙ ДЕРИВАЦИИ КАК ПРИЧИНА НАЛИЧИЯ ЛАКУН (НА МАТЕРИАЛЕ БОЛГАРСКОГО, РУССКОГО И ГРЕЧЕСКОГО ЯЗЫКОВ)

Прогресс в таких областях жизни, как наука, техника, культура и т.д., обуславливает появление новых понятий в языке, которые соответственно должны получить свои названия. «Благодаря словообразованию язык постоянно пополняется огромным количеством новых слов разнообразного строения и семантики, отражающих все стороны жизни народа [...] и отвечающих всем потребностям общения» (Земская 1992: 5). Специфические черты словообразовательных систем разных языков, однако, нередко являются предпосылкой наличия «белых пятен» в лексической системе одного языка по сравнению с лексической системой другого языка.

Очень часто действующие в определенном языке правила и нормы, связанные с конкретными способами образования новых номинативных единиц, не совпадают с правилами и нормами в других языках, что приводит к определенным различиям в их лексических составах. Словообразовательное значение, выраженное словообразовательным формантом, участвует в формировании целостного лексического значения новопоявившегося названия, добавляя дополнительный семантический компонент к значению производящей единицы. Отсутствие, например, в каком-либо языке форманта, носителя определенного значения, который присутствует в другом языке, может привести к отсутствию соответствующей номинативной единицы.

В настоящей статье на материале образования номинативных единиц в болгарском, русском и греческом языках мы проиллюстрируем роль словообразовательного фактора в отсутствии соотносительных номинативных единиц в этих языках, т.е. рассмотрим их словообразовательные возможности как причину возникновения лакун.

Во всех трех рассматриваемых языках основные способы словопроизводства почти идентичны, причем главным является морфологический, т.е.

создание новых номинативных единиц при помощи морфем. Образование производных существительных, прилагательных, глаголов, наречий, числительных и местоимений во всех трех языках происходит посредством суффиксов, префиксов и постфиксов, добавленных к основе, а также посредством их комбинированного использования.

В контексте всего этого, существуют две основные причины, обуславливающие наличие лакун в одном языке при его сопоставлении с другим. Первая – это различная продуктивность и частота употребления соответствующих друг другу аффиксов в сравниваемых языках, т.е. лакуарность лексических единиц является результатом функционирования словообразовательных аффиксальных моделей в сравниваемых языках. Вторая – это отсутствие в одном из языков аналогичных по значению и употреблению аффиксов, существующих в другом, т.е. лакуарность является результатом уникальности аффиксальной модели в исходном языке по отношению к сравниваемым языкам. Приведем несколько примеров, иллюстрирующих это утверждение.

В русском языке, в отличие от болгарского, «суффиксы субъективной оценки более дифференцированы в семантическом и стилистическом отношении» (Васева 1980: 223). В русском языке не только больше суффиксов для образования уменьшительных форм¹ существительных, но и частота их употребления намного больше. Огромное богатство суффиксов эмоционально-оценочного характера в русском языке, а также и различия в частотности употребления в русском, болгарском и греческом языках является причиной того, что очень часто не только уменьшительные, но и увеличительные формы или не совпадают в трех языках, или просто отсутствуют соответствия русским в остальных двух языках². В греческом языке, например,

¹ См. опубликованную в Интернете статью В. Зидаровой *Деминутивы и лексическая номинация*, в которой автор рассматривает и анализирует статус деминутивов как языковых единиц и делает вполне основательное и обоснованное разграничение между уменьшительной формой слова, не имеющей самостоятельного значения, а представляющей собой «лексическую разновидность производящего слова ..., выражающую вариацию размера или же оценочность» и уменьшительными словами, «являющимися уменьшительными только с точки зрения структуры», но имеющие собственное номинативное значение, различающееся от значения неумножительного слова. В качестве примеров автор приводит уменьшительную форму слова *бар* (= питейное заведение) – *барче*, означающее ‘небольшой бар’ и уменьшительное слово *барче*, со значением ‘шкаф для напитков’ (см.: Зидарова). Ср. еще и русск. *глазок*, т.е. ‘маленький глаз’ и *глазок* – ‘отверстие в двери’. О лексикализации уменьшительных форм в русском языке см. Потиха, 1970: 248–249.

² Их количество в русском языке очень внушительно по сравнению с количеством аналогичных суффиксов в болгарском. В греческом языке суффиксов с уменьшительным и увеличительным значением тоже немало: для сравнения – в русском языке есть свыше 40 суффиксов для выражения субъективной оценки (см., напр., Потиха 1970: 250–259; Тихонов, Джамбазов 2001: 129–131), в греческом их свыше 30 (см. НЕГ: 123–127), а в болгарском – меньше 20 (см. ГСБКЕ: 66–69).

употребление увеличительных форм существительных свойственно скорее всего разговорной речи, причем встречается редко в обычном разговоре, а еще реже может быть найдено в письменном тексте (НЕГ: 126). Это является серьезной предпосылкой отсутствия соответствий русским номинативным единицам с таким значением. Для болгарского языка не характерно образование уменьшительных форм существительных, обозначающих отвлеченные и вещественные понятия, как например, русские дымок, чувствлице или морозец. При передаче подобных понятий очень часто используются сочетания с прилагательными типа лек, малък, мек и т.д. Соответственно дымок, чувствлице и морозец можно передать посредством аналитических сочетаний облаче дим, лек дим; леко, слабо чувство; лек студ.

Другой особенностью русского языка является существование и сравнительно частое употребление таких специфических, «специализированных», суффиксов для образования существительных, как *-ишк(а)*, *-ишк(о)*, *-аишк(а)*, *-ёишк(а)*, *-онк(а)*, *-ёнк(а)*, которые, добавленные к номинативным единицам, придают нюанс неодобрительного отношения или отрицательной оценки и которых в болгарском языке почти нет. В болгарском уменьшительными формами существительных обозначается меньший размер или выражается субъективно-оценочное отношение, причем говорящий вносит в номинативный акт эмоциональный оттенок, чаще всего с положительной направленностью – нежностью, ласковостью. Суффиксы, служащие для образования уменьшительных форм существительных в болгарском языке, иногда используются и для обозначения отрицательной оценки, чтобы выразить снисхождение или пренебрежение (например, *писателче* – *писателишка*, *докторче* – *докторишка*). В некоторых случаях, из-за отсутствия соответствий, выражающих негативную оценку, значение русских существительных передается на болгарский язык посредством аналитических сочетаний с определениями *малък*, *дребен*, *мизерен*, *нищожен*, *келяв*, *окаян*, *разни*, *някакви си*, *какъв да е* и т.д. Например, *людишки* переводится как *разни хорица*, *някакви си (там) хорица*³. В греческом языке, так же, как и в русском, есть суффиксы, выражающие насмешку или пренебрежение, но они используются сравнительно реже и имеют преимущественно книжный характер (НЕГ: 124). Это такие суффиксы, как *-ápio*, *-ídio*, *-ískos* и т.п.: *то γυναικάριο* – *глупая, плохая женщина*; *женщина легкого поведения*; *ο υπαλληλίσκος* – *мелкий служащий*.

В болгарском языке отсутствует большое разнообразие суффиксов субъективной оценки, присущее русскому языку, но зато существует высокопродуктивный суффикс, используемый для образования уменьшительных глаголов, у которого нет аналога и в русском, и в греческом языках. Это суффикс *-к-а-м*, при помощи которого «от почти каждого болгарского глагола

³ Более подробно о переводе русских уменьшительных существительных на болгарский язык см. Васева 1980: 217–227.

можно образовать глагол с уменьшительно-ласкательным значением» (Пашов 1966: 57–58). В качестве примера можно привести болгарский глагол *цункам*, который в русском и в греческом языках передается посредством его неуменьшительной формы – соответственно *целовать* и *φιλώ*. В словарях дается специальная помета, указывающая, что этот глагол используется преимущественно в детской речи.

Другим примером, свидетельствующим о влиянии словообразовательных возможностей данного языка (путем аффиксальной деривации), на появление номинативных единиц, не имеющих соответствия в другом языке, является сравнительно частое употребление в болгарском языке сложных префиксов, которые используются для образования глаголов. В качестве примеров приведем болгарские префиксы *дораз-*, *запри-*, *зараз-*, *изпо-*, *поза-* и др., участвующие в образовании таких глаголов, как *доразбирам*, *доразвивам*, *доразработвам*, *заприказвам*, *заприличвам*, *заразглеждам*, *заразтребвам*, *изпоълзва*, *позаинтересувам се*. Так как в русском языке значение этих сложных префиксов нельзя передать аналогичными префиксами, оно передается посредством аналитического сочетания, соответственно: *понимать до конца*, *развивать до конца*, *разрабатывать до конца*, *начать говорить*, *начать походить* / *стать похожим*, *начать рассматривать*, *начать убирать* / *наводить порядок*, *обмануть всех* / *многих*, *заинтересоваться до некоторой степени*. Другими словами, здесь тоже наблюдается отношение **безэквивалентная номинативная единица – лакуна**.

Образование новых номинативных единиц при помощи сложных префиксов не чуждо и греческому языку⁴, например: *αναμεταδίδω*, *αποδιαλέγω*, *επιδιορθώνω*. Несмотря на это, так же, как и в русском языке, очень часто наблюдается отсутствие соответствий полипрефиксальным глаголам типа вышеуказанных. При переводе с болгарского языка на греческий такие глаголы обычно передаются аналитическими сочетаниями: *доразбирам* – *καταλαβαίνω πλήρως* (= вполне понимаю), *доразвивам* – *αναπτύσσω τελείως* / *ολοκληρωτικά* (= развиваю окончательно, целиком), *доразработвам* – *αποτελειώνω την επεξεργασία / επεξεργάζομαι (κάτι) τελείως / αποτελειώνω κάτι τελείως* (заканчиваю разработку, разрабатываю что-н. полностью, заканчиваю что-н. полностью), *заприказвам* – *αρχίζω να μιλώ / αρχίζω να κουβεντιάζω / πιάνω την κουβεντα* (= начинаю говорить, начинаю разговаривать, затеваю разговор), *заприличвам* – *αρχίζω να μοιάζω* (= начинаю походить на), *заразглеждам* – *αρχίζω να περιεργάζομαι* (= начинаю рассматривать), *заразтребвам* – *αρχίζω να συυριζώ / να καθαρίζω* (= начинаю убирать, чистить), *изпоълзва* – *λέω ψέματα σ' όλους* (= обманываю всех), *позаинтересувам се* – *ενδιαφέρομαι λίγο* (= мало интересуюсь).

⁴ В греческом языке образование новых номинативных единиц при помощи префиксов как словообразовательный способ относится не к деривации, а к композиции, а сами префиксы называются *αχώριστα μόρια*, т.е. неделимые частицы.

В связи со сложными префиксами надо отметить, что в русском языке они тоже имеют место и не только характеризуются широким употреблением в разговорной речи и служат для образования большого количества производных, но и очень часто созданные при их помощи номинативные единицы не имеют соответствия в болгарском языке в виде отдельной номинативной единицы. Речь идет о сложных приставках *недо-* и *небез-/небес-*. Первая из них, несмотря на то, что в обоих языках выражает 'неполную, недостаточную степень по сравнению с нормой (требования)' (Гочев 1996: 158–159), в болгарском языке используется в более ограниченных случаях для образования производных. Примером русских номинативных единиц с этой приставкой, не имеющих соответствия в болгарском языке, являются существительные типа *недогруз(ка)*, *недомерок* или *недосуг*, передаваемые соответственно как *непълно натоварване*, *непълна*, *слаба натовареност*; *предмет*, *който няма нужния или нормален за него размер* и *липса на свободно време*, а также «целый ряд обозначающих лицо существительных оценочного значения с ярким оттенком негативного отношения к называемому лицу в сочетании с экспрессивным значением уничижительности, насмешливости, презрения» (Стойкова 2007: 224). Например, *недород*, *недотёпа*, *недотрога*, *недоучка*, для передачи которых используются следующие сочетания: *лоша реколта*; *непохватен*, *недодялан човек*; *много чувствителен*, *обидчив човек*; *недоучен*, *получен*, *полуобразован човек*.

Что касается греческого языка, то там вообще отсутствует префикс с таким или подобным значением. Его содержание выражается свободными словосочетаниями или целыми описаниями, причем иногда значение передается только приблизительно. Например, словарное соответствие русскому слову *недогрузка* в греческом языке передается как *η ελλιπής φόρτωση* (незавершенная погрузка), *недолёт* – *η άστοχη βολή* (неточная стрельба), *недосчитаться* – *διαπιστώνω ότι λείπει* (устанавливать, что что-то отсутствует) и т.д.

Как отмечает М. Стойкова, вторая приставка *небез-/небес-* используется для обозначения преднамеренного смягчения выражаемого приставкой *без-* признака или свойства. По ее мнению, этот способ образования номинативных единиц не характерен для болгарского языка, а те формы, которые встречаются, скорее всего являются результатом влияния русского языка и соответственно языкового заимствования. В болгарском языке чаще всего для передачи таких единиц используются сочетания (Стойкова 2007: 224–225). В качестве примера можно привести прилагательное *небезынтересный*, которое передается как *представляващ известен интерес*, *доста интересен*. В греческом языке сложный префикс с таким значением отсутствует и для его передачи тоже используется перифраза, как, например, *αρκετά ενδιαφέρων* (достаточно интересный).

Другим примером, доказывающим влияние словообразовательных возможностей языка на отсутствие соответствия определенной номинативной

единицы, существующей в другом языке, является наличие в русском языке суффиксов для образования прилагательных с увеличительным значением, которых нет в болгарском и греческом языках. При помощи этих суффиксов образованы прилагательные типа *высоченный*, *здоровенный*, *толстенный*, *тяжеленный*, *широченный*, *большуций*, *здоровуций*, *толстуций* *злюций*, *хитрюций*, *худуюций* и т.д. В греческом языке, несмотря на отсутствие тождественных увеличительных суффиксов, есть другие словообразовательные способы, посредством которых можно образовать прилагательные подобного типа. Например, значение русского прилагательного *высоченный* в греческом языке передается путем префиксации: *πανήψηλος*. В болгарском языке, однако, у таких прилагательных очень часто нет соответствия в форме отдельной номинативной единицы и они передаются описательно при помощи наречий *много*, *извънредно*, *страшно*, *твърде*, *ужасно* и т.д. Ср. *высоченный* – *извънредно висок*, *страшно висок*.

В греческом языке тоже немало и притом интересных примеров словообразовательных моделей, отсутствующих в болгарском и русском языках. Например, при помощи суффикса *-άδα*, присоединяющегося к основе, означающей транспортное средство, образуются существительные женского рода, со значением ‘прогулка в/на каком-л. транспортном средстве’: *αεροπλανάδα* – *разходка*, *обиколка със самолет* – *прогулка на самолете*, *αμαξάδα* – *разходка с фэйтон/кола* – *езда*, *прогулка в экипаже*, *αυτοκινητάδα* – *разходка с автомобил* – *поездка*, *прогулка на автомашине*, *βαρκάδα* – *разходка с лодка* – *прогулка*, *катание на лодке*, *ελικοπτεράδα* – *обиколка с хеликоптер* – *прогулка*, *полет на вертолете*, *καροτσάδα* – *разходка с карета/кола*; *разходка в детска количка (за бебе)* – *езда*, *прогулка в (детской) коляске*; *μυχανάδα* – *разходка с мотоциклет* – *езда*, *прогулка на мотоцикле*, *ποδηλατάδα* – *разходка с велосипед* – *езда*, *прогулка на велосипеде*.

Следующим примером номинативных единиц, не имеющих соответствий в русском и болгарском языках, является целая группа существительных в греческом языке, оканчивающихся на *-ιά* с общим значением ‘удар, нанесение раны, шрам или след, оставшийся после чего-л.’: *ακυλωματιά* – *следа от убождане* – *след от укола (ишлом и т.п.)*; *αγκωνιά* – *удар*, *блъскане с лакти* – *удар локтями*; *βεργιά* – *удар с пръчка*, *бастун* – *удар прутом*, *хлыстом*, *розгой*; *βουρδουλιά* – *удар с бич*, *камишик* – *удар плетью*, *кнутом*; *βουρτσιά* – *следа от четка* – *однократное проведение щёткой или малярной кистью*, *мазок*; *γροθιά* – *юмрук*, *юмручен удар* – *удар кулаком*; *δακνοματιά* – *следа от ухапване* – *след*, *ранка от укуса*; *δαχτυλιά* – *отпечатък от пръст*, *следа от мръсни пръсти*, *петно* – *отпечаток пальца*; *след*, *пятно от грязных пальцев*; *δοντιά* – *белег от ухапване* – *шрам от укуса*; *катаκεφαλιά* – *удар по главата* – *удар по голове*; *κεφαλιά* – *удар с глава* – *удар головой*; *ковτακιά* – *удар с приклад* – *удар прикладом*; *ковтарιά* – *удар с прът*, *с кол*, *с копие* – *удар копьём*, *пикой*, *рогатиной*; *κοψιά* – *белег от порязване*, *рана*

от порязване – след от пореза; махаіріа – удар с нож, рана от нож – удар ножом, кинжалом; ножевая рана; порез ножом; џвсіа – следа, останала след чесане; следи от чесане, разчесване с нокти – след от чесания, расчёсывания ногтями; спаітіа – 1. удар със сабя; 2. белег от удар със сабя – 1. удар саблей, шашкой, шпагой, мечом; 2. след от удара саблей, шашкой, шпагой, мечом; тѣуаіа – удар с тиган – удар сковородой; фтваріа – удар с лопата – удар лопатой и т.п.

Частота употребления образованных путем субстантивации греческих существительных, оканчивающихся на *-ика*, со значением ‘таксы, расходы, оплата’, превращает *-ика* в продуктивную модель для создания новых номинативных единиц с этим значением. Отсутствие в русском и болгарском языках тождественной модели приводит и к отсутствию однословных соответствий, т.е. эта лексика тоже является безэквивалентной по отношению к болгарскому и русскому языкам: *αυτοῦράτικα* – *транспортна такса, такса за превоз* – *плата за провоз*; *στοιμότητα* *перевозки*; *αδειαοῦτικά* – *заплащане (на работници, носачи) за освобождение на помещение (от нещо)* – *плата (рабочим, грузчикам) за освобождение помещения*; *αυτοῦραφικά* – *заплащане, такса за преписване, копиране, копирни разходи* – *плата за переписку, за копировку*; *στοιμότητα* *переписки, копировки*; *δέτικα* – *заплащане за подвързване, цена за подвързване* – *стоимость переплёта*; *δίκηοῦρικά* – *хонорар на адвокат* – *гонорар адвоката*; *εκτελωνιστικά* – *митнически разходи* – *таможенные расходы*; *таможенная плата, плата таможенному чиновнику*; *επίδιορθωτικά* – *разходи за ремонт* – *плата за ремонт, починку*; *εργατικά* – *трудова възнаграждение, надница, заплата (на работник)* – *расходы по найму или по оплате рабочих*; *ζυγιστικά* – *разходи, разноски за претегляне* – *плата за взвешивание*; *θαφτικά* – *разноски за/по погребение* – *расходы на погребение, стоимость похорон*; *λουστικά* – *такса за къпане* – *плата за купанье, за приём ванны*; *μετακομιστικά* – *заплащане за превоз (на вещи)* – *плата за перевозку (вещей)* и т.п.

Другим продуктивным греческим суффиксом, выступающим в качестве источника лакун в болгарском и русском языках, является суффикс *-ila*. С его помощью образуются существительные женского рода со значением ‘вкус или запах’, обычно неприятный: *αβύila* – вкус и мирис на яйца – вкус и запах яйца; *βαρβατίla* – неприятна миризма на разгонено животно – неприятный запах во время течки; *βουτυρίla* – вкус, мирис на масло – вкус, запах масла; *δασίla* – мирис на гора – запах леса; *θαλασσίla* – мирис, вкус на море, на морска вода – запах или вкус морской воды; *καπνίla* – миризма на тютюнев дим, на пушек – запах дыма; *κρεατίla* – мирис на месо – запах мяса; *κρεμμυδιla* – миризма на лук – запах лука; *μπαρουτίla* – миризма на барут – запах пороха; *ξιníla* – кисел вкус – кислый вкус; *πικρίla* – горчив вкус – горький вкус; *προβατίla* – специфична миризма на овца, овча миризма – овечий запах, вонь (от овец); *σκορδίla* – миризма на чесън, дъх на чесън

– *запах, перегар чеснока*; *траγίλα* – *миризма на коза, на пръч* – *козлий запах*; *χοματίλα* – *мирис на пръст, на земя (най-често след дъжд)* – *запах земли*; *ψαρίλα* – *миризма на риба* – *запах рыбы*.

Во всех описанных выше случаях использование аффиксальных моделей для образования греческих существительных и отсутствие соответствующих моделей в русском и болгарском языках является основной причиной отсутствия однословных соответствий.

В качестве последнего интересного примера, доказывающего, что наличие определенных словообразовательных моделей для образования новых номинативных единиц путем аффиксальной деривации является реальным фактором, оказывающим влияние на отсутствие соответствий в лексической системе сравниваемого языка, можно привести характерный для русского языка суффикс, не имеющий соответствия в болгарском и греческом языках. Это суффикс *-ин(а)* и его производные *-атин(а)* и *-ятин(а)*, используемые для образования существительных со значением ‘мясо животного, птицы или рыбы, названных в основе слова’. Наличие суффикса с таким значением предопределяет и большое количество номинативных единиц, образованных по одной и той же модели. По принципу аналогии образованы как существительные, обозначающие мясо животных и рыб, часто употребляемое русскими в пищу (*баранина, говядина, лососина, осетрина, поросятина, свинина, телятина, утятина, цыплятина*), так и слова, не столь популярные в этом отношении (*верблюжати́на и верблюжи́на, кенгури́atina, кобыля́тина, конина, кошати́на, медвежа́тина, собачина*). Бесспорным фактом является и то, что уже созданная и утвердившаяся в языке модель становится действительной для большей части названий, независимо от экстралингвистических условий.

Не так обстоит дело, однако, в греческом и болгарском языках. В этих языках понятие о мясе животного, птицы или рыбы, употребляемом в пищу, естественно, существует, но отсутствует аналогичный суффикс, который может быть использован. Поэтому при образовании новой номинативной единицы для передачи значения русского суффикса *-ин(а)*, приходится использовать другие языковые средства. В зависимости от ситуации, в греческом и болгарском языках есть несколько вариантов соответствий: 1) номинативная единица, обозначающая само животное, птицу или рыбу; 2) словосочетание прилагательного с существительным и 3) субстантивированная форма прилагательного соответствующего словосочетания.

1. В греческом и болгарском языках в некоторых случаях название, обозначающее данное животное, птицу или рыбу, становится названием и мяса, употребляемого в пищу, т.е. понятие выражено номинативной единицей, полученной посредством вторичной номинации при помощи средств семантического преобразования. Так, например, когда речь идет о мясе птицы, рыбы или животного, традиционно употребляемого в пищу людьми,

принадлежащими к греческой культурно-языковой общности, в греческом языке в качестве выражающих его номинативных единиц чаще всего употребляются названия самого животного, птицы или рыбы: *αρνί φούρνου, μοσχάρι με λαχανικά, σουβλάκι котόπουλο, κουνέλι με κρεμμυδάκια, σολομός σκอร์δαλιά* (*баранина в духовке, телятина с овощами, шашлык из цыплятины, зайчатина с луком, лососина в чесночном соусе*) или его уменьшительная форма: *κοκκινιστό μοσχάκι, αρνάκι με σπανάκι* (*телятина в томатном соусе, баранина со шпинатом*), т.е. соответствиями русским формам *баранина, телятина, цыплятина, зайчатина, лососина* в греческом языке являются то *αρνί* (*арνάκι*), то *μοσχάρι* (*μοσχάκι*), то *котόπουλο*, то *κουνέλι*, о *σολομός*.

В болгарском языке название самого животного употребляется, когда речь идет о мясе птиц, рыб или мелких животных, традиционно употребляемом в пищу: например, русским формам *зайчатина, курятина, утятина, цыплятина* соответствуют *заек, кокошка, патица, пиле*. Эта тенденция в самой большей степени относится к мясу рыбы: русские формы *белужина, лососина, осетрина* передаются соответственно как *моруна, съомга, есетра*. Если речь идет о более крупном животном, название этого животного используется в случаях, когда по определенному поводу приготавливается целое большое животное. Обыкновенно употребляется с определением, показывающим способ его приготовления: например, *печено прасе, агне, теле* и т.д.

2. Иногда русское название не имеет соответствия в виде отдельно функционирующей номинативной единицы и тогда для обозначения данного понятия используются свободные словосочетания, составленные из прилагательного и существительного. Другими словами, в сопоставляемых языках нет соответствий, т.е. там есть лакуны: *ακυλιάτινα – мясо от акула – κρέας καρχαρία, αντιλόπινα – мясо от антилопа – κρέας αντιλόπης, змейско мясо – φιδίσιο κρέας, кенгурятина – мясо от кенгуру – καγκουρίσιο κρέας, конина – конско мясо – το αλογίσιο κρέας, кошатина – котешко мясо – γατίσιο κρέας, крысятина – мише мясо – повτικίσιο κρέας, лягушатина – жабешко мясо – κρέας βατράχου, медвежатина – мече(шко) мясо – το αρκουδίσιο κρέας, оленина – еленово мясо – το ελαφίσιο κρέας, собачина – кучешко мясо – σκυλίσιο κρέας*. Как видно из примеров, соответствия нет чаще всего, когда речь идет о мясе, не употребляемом традиционно в пищу. Кажется, в этих случаях ограниченное употребление такого мяса в качестве повседневной пищи приводит и к отсутствию однословного соответствия в болгарском и греческом языках. Единственно в очень узком и категорически ясном контексте (по аналогии с часто употребляемыми субстантивированными прилагательными, используемыми для названия мяса животных, традиционно употребляемого в пищу) возможно использование субстантивированного прилагательного и в этом значении: *много му се искаше да опита котешко или никога преди не беше опитвал камилско*.

3. В некоторых случаях принято и использование словосочетания прилагательного и существительного: *телятина* – *телешко месо* – *μωσχάρισιο κρέας*, и, по мере возможности, зависимого от контекста субстантивированного прилагательного (*то μωσχάρισιο*). Некоторые из этих словосочетаний, из-за их частого употребления, постепенно начинают восприниматься как устойчивые и в потоке речи подвергаются универбизации, причем прилагательное субстантивируется. Примерами независимой от контекста субстантивации в болгарском и в греческом языках являются соответствия русским формам *свинина* и *говядина*: болг. *свинско* (от *свинско месо*) и *говеждо* (от *говеждо месо*); гр. *то χοιρίνo* (от *то χοιρίνo κρέας*) и *то βοδινó* (от *то βοδινó κρέας*). В болгарском языке, когда речь идет о расфасованном мясе больших/крупных животных, употребляемом традиционно в пищу, для названия не используется наименование самого животного, как это очень часто наблюдается в греческом языке. Для этой цели обычно употребляется или словосочетание: например *агнешко месо*, *говеждо месо*, *овнешко месо*, *свинско месо*, *телешко месо* или независимое от контекста субстантивированное прилагательное: *агнешко*, *говеждо*, *овнешко*, *свинско*, *телешко*. По всей вероятности, это употребление связано с фактом, что в повседневной жизни пищу обычно готовят только из одной части (сравнительно небольшой) мяса заранее разделанных крупных животных. Что касается более мелких животных, то если их мясо расфасовано, тогда можно использовать как словосочетание: например, *патешко месо*, *пилешко месо*, *пуешко месо*; *заешко месо*; *месо от съомга*, *месо от есетра*, так и субстантивацию: *патешко*, *пилешко*, *пуешко*; *заешко*.

Как видно, и в болгарском, и в греческом языках есть неаффиксальная словообразовательная модель, выражающая значение ‘мясо животного, птицы или рыбы, употребляемое в пищу’ – субстантивация. Эта модель, однако, используется далеко не так последовательно, как используется аффиксальная модель в русском языке. В процессе номинации она характеризуется определенными ограничениями, порожденными экстралингвистическими причинами.

Из всего сказанного выше вытекает, что в отличие от русского языка, где существует единая модель аффиксальной деривации, в греческом и в болгарском языках нет такой единой словообразовательной модели. Этот факт связан, с одной стороны, с разграничением, которое делают носители болгарского и греческого языков между традиционным и редко употребляемым в пищу мясом и с другой, – с размерами соответствующего животного и видом, в котором его подают в качестве пищи, оказывающими прямое влияние на номинацию в болгарском языке. Указанные примеры являются показателем комплексности факторов, влияющих на выбор средств наименования понятий в русском, болгарском и греческом языках, так как очевидно воздействие и лингвистических, и экстралингвистических факторов в каждом из языков.

Проведенный в настоящей статье анализ способов образования новых номинативных единиц в разных языках посредством разнообразных словообразовательных средств и приемов выявляет две основные причины появления белых пятен в словарном составе одного языка по отношению к другому. Отсутствие в словарном запасе данного языка соответствующего аффиксального форманта, носителя определенного значения, который используется для номинации новых понятий, для дифференциации уже существующих названий или для выражения специфической стилистической окраски, а также наличие совпадающих моделей, характеризующихся различной функциональной спецификой, может привести и к отсутствию соответствия данной номинативной единицы (а чаще всего и целых групп производных), превращая ее в безэквивалентную по отношению к другому языку.

Сокращения

- ГБР – *Гръцко-български речник* (1999).
ГБР – Костов Н., Костов Ил. (2005). *Гръцко-български речник*, София.
ГСБКЕ – *Граматика на съвременния български книжовен език*, (1983), т. 2, София.
НРС – Хориков И. П., Малев М. Г. (1993), *Новогреческо-русский словарь*, ред. П. Пердикис и Т. Пападопулос, Москва.
НЕГ – *Νεοελληνική Γραμματική (της Δημοτικής)* (1996), Θεσσαλονίκη.

Библиография

- Васева Ив. (1980), *Теория и практика перевода*, София.
Гочев Г. Н. (1996), *Представката НЕДО- в българския език*, «Българистични проучвания», Велико Търново.
Земская Е. А. (1992), *Словообразование как деятельность*, Москва.
Зидарова В., *Деминутиви и лексикална номинация*, «Българска електронна лингвистична библиотека», www.belb.net/personal/zidarova/deminutiva_lex.htm.
Пашов П. (1966), *Българският глагол – класификация, видообразуване, словообразуване*, София.
Потиха З. А. (1970), *Современное русское словообразование*, Москва.
Стойкова М. И. (2007), *Специальная негация с формальным показателем НЕ в сложных префиксах НЕДО- и НЕБЕЗ-/НЕБЕС- в русском и болгарском языках*, [в:] *Мир русского слова и русское слово в мире*, т. 5: Материалы XI Конгресса Международной ассоциации преподавателей русского языка и литературы, Варна, 17-23 сентября 2007 г., София, с. 222–226.
Тихонов А. Н., Джамбазов, П. Н. (2001) *Современный русский язык. Часть первая. Морфемика. Словообразование*, Велико Търново.

*Viktoria Kaneva***AFFIXATION MODELS AS A REASON FOR THE PRESENCE OF LEXICAL GAPS
(ON THE BASIS OF RUSSIAN, BULGARIAN AND GREEK)**

(Summary)

The article discusses the role that the means of formation of new lexical units by affixation in Russian, Bulgarian and Greek play in the appearance of “blank spaces” in the vocabulary of these three languages. The main methods of word formation in all three languages are almost identical, but there are peculiarities, which result in the presence of non-equivalent lexis in one of the languages in relation to the other two. Analyzing the means of formation of new lexical units by affixation in the three languages reveals two main reasons for the existence of lexical gaps in the compared languages, namely the different productivity and frequency of use of corresponding affixation models, and secondly the absence in one of the languages of similar in meaning and usage affixes carrying specific meaning.

Keywords: affixation, affixation models, non-equivalent lexis, “blank spaces”.